

Лана Рокошевская



Пятая
балерина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Лана Рокошевская

Пятая балерина

«Автор»

2026

Рокошевская Л.

Пятая балерина / Л. Рокошевская — «Автор», 2026

Виктор Кремер приглашает кризисного переговорщика Максима Орлова в свой пентхаус и просит об одной странной услуге: стать свидетелем его смерти. Через несколько минут гаснет свет. Когда освещение возвращается, Кремер уже мёртв. На столе рядом с ним стоит старая фарфоровая балерина с трещиной под левым локтем и клеймом «Ленинград, 1974». Максим становится единственным подозреваемым и одновременно единственным человеком, которому погибший успел сообщить о несуществующем сейфе 314. Расследование приводит Орлова к страховой афере, исчезнувшим свидетелям и банковскому преступлению двадцатилетней давности. Чем ближе Максим подбирается к разгадке, тем яснее понимает: Кремер выбрал его не случайно. Старая тайна связана с его семьёй, а дешёвые фарфоровые фигурки хранят нечто более опасное, чем деньги. Балерин считали сувенирами. Пока не появилась пятая.

© Рокошевская Л., 2026

© Автор, 2026

Лана Рокошевская

Пятая балерина

ПОСЛЕДНИЙ ПОКУПАТЕЛЬ

Роман

* * *

ГЛАВА 1. ПОСЛЕДНИЙ КЛИЕНТ

Понедельник, 19:42

Дождь начался тогда, когда я свернул с набережной к отелю «Маринер», и это был именно тот дождь, который в приморских городах умеет портить настроение лучше любой плохой новости. Мокрый асфальт отражал жёлтые огни, ветер тащил с моря запах соли и мазута, а осень в этом городе всегда пахла именно так: солью, мазутом и предчувствием, что кому-то сегодня крепко не повезёт.

Я загнал старый «Ниссан» в тень, под служебный въезд. К людям вроде Виктора Кремера не стоит подъезжать на дорогой машине. Богатые не любят, когда консультант выглядит богаче их, а если консультант выглядит беднее, они начинают чувствовать себя щедрыми, и это тоже плохо кончается, но хотя бы не сразу.

Швейцар открыл дверь, не спросив ни имени, ни фамилии. Значит, меня ждали, и ждали именно сейчас. В холле пахло лилиями и деньгами, а женщина за стойкой посмотрела на меня так, будто я пришёл чинить кран и уже успел испачкать её персидский ковёр.

– Пентхаус, – сказал я. – Кремер меня ждёт.

– Ваше имя?

– Орлов.

Она сняла трубку, послушала три секунды и кивнула. Лифт открылся сам, без её участия, что говорило кое-что о размерах чаевых, которые получает Виктор Кремер за такие мелочи. Я вошёл, нажал единственную кнопку без цифры и в зеркале увидел усталого человека сорока трёх лет с седой прядью над правым виском. Костюм без блеска. Ботинки чистые, но старые. Лицо, которое запоминают плохо, и это неплохо для моей работы.

Двери разошлись прямо в прихожую пентхауса, и я оказался в мире, где ковры глушат шаги, а окна занимают целую стену.

Кремер стоял у окна спиной ко мне, высокий и сухой, в тёмном шёлковом халате поверх белой рубашки. Правой рукой он держался за горло так, словно ослаблял невидимый галстук, и я по одной этой руке понял, что человек не спал двое суток, а может, и трое.

– Вы опоздали на две минуты, – сказал он, не оборачиваясь.

– Дождь.

– Дождь для тех, кто пешком.

Я промолчал. За тринадцать лет переговоров с людьми, у которых горит в разных местах, я усвоил простое правило: первая грубость клиента никогда не относится к тебе, она относится к его собственному страху, а спорить со страхом бессмысленно.

Он обернулся, и я увидел лицо, о котором в газетах писали «породистое», а на деле оно было просто худое, серое и запущенное. Под глазами лежали тени, которые не сходят от кофе и не сходят от сна.

– Садитесь.

Я опустил в глубокое кресло у низкого стеклянного столика. На столике стоял графин с водой, два стакана и маленькая фарфоровая фигурка балерины, дешёвая, с облупленной позолотой на пуантах и трещиной под левым локтем. Такие в советские годы стояли в каждой второй серванте, и я не понимал, что делает эта потрёпанная штучковина среди хрусталя и кожи за миллион долларов.

Кремер перехватил мой взгляд.

– Не смотрите на неё. Это память.

– Я и не смотрю.

Он налил себе воды, и руки у него чуть дрожали, ровно настолько, чтобы поверх стакана образовалась мелкая рябь. Отпил, поставил, посмотрел на меня так, как смотрят перед прыжком с высоты.

– Мне сказали, вы лучший в городе по кризисным переговорам.

– Я один из немногих, кто ещё этим занимается.

– Скромность или гордость?

– Ни то ни другое, только статистика.

На секунду в углу его рта появилась усмешка, но она не дошла до глаз и умерла где-то на середине лица.

– Мне нужен совет и, возможно, защита. Не полицейская, полицию оставим тем, у кого нет других вариантов. Мне нужен человек, который умеет слушать и молчать. Особенно молчать.

– Я не телохранитель.

– Мне не нужен телохранитель. Мне нужен свидетель.

Это было уже интереснее. Свидетель редко бывает нужен людям, которые собираются жить долго. Я откинулся в кресле и приготовился слушать.

Кремер сел напротив, положил ладони на колени и наклонился ко мне так, словно нас могли подслушивать даже здесь, на сороковом этаже над пустой набережной.

– Завтра утром ко мне придут люди. Юристы, один нотариус, возможно, представитель прокуратуры. Я должен передать им кое-что важное. И я не уверен, что доживу до утра.

– Кто вам угрожает?

– Никто. В том-то и штука. Никто мне не угрожал ни разу за двадцать лет, и именно поэтому я знаю: сегодня ночью что-то случится.

Я смотрел на него и ждал. Клиенты в таком состоянии всегда говорят больше, чем ты спрашиваешь, если у тебя хватает ума не мешать. Он потёр глаза так, словно хотел вернуть в них зрение, которое отказало годами раньше.

– У меня двести шестнадцать хранилищ по стране, в четырёх городах. Самое большое здесь, под этим отелем. Люди сдают мне сейфы, потому что доверяют не мне лично, а системе. Ни одного взлома за девятнадцать лет, ни одной утечки. Один сейф я держу для себя, номер триста четырнадцать. В нём лежит вещь, которая не стоит ничего. Обычная старая вещь. Но за ней долго охотились, очень долго, и я думал, что забыли. Оказалось, нет.

– Кто охотится?

Он поднял глаза, и в них было то, чего я давно не видел у клиентов. Не страх, а усталость от страха, а это, поверьте, две разные вещи.

– Если я скажу имя, вы уйдёте отсюда живым только потому, что вам повезёт. Мне уже не повезёт.

– Тогда зачем я здесь?

– Затем, чтобы завтра, когда меня найдут, кто-то знал, что я не сам это сделал.

Я не сказал ничего, потому что говорить было нечего, а он молча смотрел на свои пальцы, которые лежали теперь на голове фарфоровой балерины и поглаживали её так, как гладят собаку перед долгой разлукой.

– Мне сорок восемь лет, – сказал он тихо. – Я никогда не был религиозен. Но сегодня три раза ловил себя на том, что читаю про себя молитву. Слов не помню, только ритм.

Ветер за окном ударил в стекло, и оно чуть дрогнуло. Кремер посмотрел на свои наручные часы, старые, на потёртом кожаном ремешке, и стрелки показывали без пяти восемь.

– Если сегодня ночью со мной что-то случится, – сказал он, глядя мне в глаза, – никому не верьте. Ни полиции, ни моим адвокатам, ни моей жене. Никому.

– Тогда почему вы верите мне?

– Потому что вы единственный человек в этом городе, которому я никогда ничего не платил.

Свет мигнул один раз, коротко, и я поднял голову. Тяжёлая стеклянная люстра качнулась едва заметно, но качнулась. Я знал такие детали: когда в дорогом отеле начинает дёргаться свет, обычно это значит, что кто-то в подвале аккуратно повернул нужный рубильник.

– Генератор, – сказал Кремер. – Сейчас переключится.

Свет мигнул второй раз и погас.

Темнота была не полной, из окон шёл серый свет от порта, от фонарей на набережной и от далёких кранов на грузовых причалах. Я увидел силуэт Кремера в кресле напротив, всё ещё сидящего в той же позе, с рукой на балерине.

– Не двигайтесь, – сказал я спокойно. – Генератор запустится через десять секунд.

– Он не запустится, – сказал Кремер, и голос у него был ровный, почти облегчённый, как у человека, который перестал ждать, потому что дождался.

Я встал медленно, чтобы не сшибить столик, достал из кармана телефон, включил фонарик. Тонкий луч скользнул по стенам, по картинам в дорогих рамах, по бару со стеклянными полками, по двери в прихожую.

Дверь была закрыта.

– Виктор, – сказал я, – уходим. Лестница. Немедленно.

Ответа не было. Я направил луч на кресло и увидел то, что уже подозревал.

Кремер сидел в той же позе. Голова чуть склонилась вбок, глаза открыты, правая рука по-прежнему лежала на балерине. На виске, там, где начинались редкие седые волосы, темнела маленькая круглая точка, и из неё медленно стекала одна-единственная капля. Крови на халате почти не было.

Я не услышал выстрела и не услышал шагов, я вообще не услышал ничего, кроме собственного дыхания и дождя за окном, а это в моей работе всегда самый плохой знак из возможных.

Я опустил фонарик и очень медленно поднял руки на всякий случай, потому что если стрелок ещё в комнате, ему не стоит показывать, что мне не нравится происходящее.

Свет вспыхнул через сорок секунд.

Кремер был мёртв. Балерина стояла на столе ровно, как её поставили, только теперь она смотрела не на окно. Она смотрела на меня.

* * *

ГЛАВА 2. ТЕЛО БЕЗ СЛЕДОВ БОРЬБЫ

Понедельник, 21:15

Следователя звали Гонга, и это был крупный мужчина лет пятидесяти, с рябым лицом и плечами, которые давно устали держать пиджак прямо. Он вошёл в пентхаус так, будто пришёл в собственную квартиру после долгого рабочего дня, и первым делом посмотрел не на труп, а на меня. Это было уже само по себе плохо.

– Орлов, – сказал он. – Живой. Занятно.

– Мы знакомы?

– Мы не знакомы, но я вас знаю. Переговорщик. Ялтинский случай, две тысячи семнадцатый. Вы тогда не спасли девочку.

Я не ответил, потому что отвечать было нечего, а обсуждать ялтинский случай с посторонним человеком у меня давно нет ни желания, ни привычки.

Гонта повернулся к телу и обошёл кресло по кругу, тяжело, как обходят подозрительный автомобиль. Присел на корточки, посмотрел на висок, наклонился и понюхал воздух возле лица покойника.

– Малый калибр, – сказал он с видом человека, который прочитал слишком много протоколов. – Двадцать второй. С глушителем. Дистанция около метра. Стреляли сверху вниз.

– Сверху вниз, – повторил я.

– Сверху вниз, – подтвердил он. – Значит, стрелявший был выше сидящего. Значит, стоял. Значит, вошёл сюда до вас или после.

– После невозможно. Свет погас в двадцать ноль пять, я включил фонарик через пять секунд, дверь была закрыта.

– Единственная дверь?

– Есть служебный выход на кухне и пожарная лестница.

Он кивнул своим людям, и двое молча пошли осматривать выходы. Эксперт-криминалист, худая женщина с усталым лицом и красными от бессонницы глазами, склонилась над телом и работала аккуратно, без лишних движений, как работают те, кому осталось пять лет до пенсии и очень не хочется испортить статистику. Я смотрел, как она снимает отпечатки с графина, со стаканов, со столика и, наконец, с балерины.

– На балерине отпечатков нет, – сказала она через минуту. – Вытерта.

– Вся?

– Начисто.

Гонта повернулся ко мне, и его глаза, маленькие и серые, стали чуть внимательнее.

– Вы её трогали?

– Нет.

– А хозяин при вас?

– Дважды клал на неё руку.

– А после смерти?

Я подумал. Мне не хотелось врать, потому что вранье в такой ситуации всегда всплывает не там, где ты его закопал, а там, где меньше всего ждёшь.

– Не знаю. Я стоял с фонариком и смотрел на дверь. На столик я не смотрел.

– Занятно, – сказал Гонта во второй раз.

Он подошёл к окну, посмотрел на порт, постоял там минуту, разглядывая ночные огни, и вернулся. У некоторых следователей есть привычка думать у окна, и я догадывался, что Гонта из этой породы.

– Расскажите ещё раз с самого начала. Как приехали, что видели, что слышали.

Я рассказал коротко и по делу, не украшая и не сокращая. Опустил только слова Кремера о том, что за ним двадцать лет охотятся, и опустил номер сейфа триста четырнадцать. Я и сам не понимал, зачем опустил, но у меня давно выработалось правило: если инстинкт молчит, надо молчать вместе с ним, потом разберёмся.

Гонта слушал, не перебивая, а когда я замолчал, достал сигарету, покрутил в толстых пальцах, но так и не закурил.

– Значит, клиент за три минуты до смерти сказал вам «никому не верьте».

– Так.

– Красиво.

– Что красиво?

– Красиво, говорю. Как в кино. Только в кино после этой фразы обычно свет не гаснет случайно.

Я промолчал, потому что был с ним полностью согласен, а показывать это было ни к чему.

Он убрал сигарету обратно в пачку и посмотрел на меня так, как смотрят на неудобного, но полезного знакомого.

– Максим Витальевич, я вас пока не задерживаю. Но из города не уезжайте, телефон включайте, и не удивляйтесь, если завтра к вам придут ещё раз. Скорее всего, придут.

– Понял.

– И вот ещё одно. Вы единственный человек, который был в этой комнате в момент выстрела. Единственный, у кого нет алиби. Единственный, кто разговаривал с покойным последним. Вы это понимаете?

– Понимаю.

– Хорошо, что понимаете. Многие в вашем положении начинают говорить лишнее. Вы, я вижу, не начнёте.

Он пошёл к выходу и у двери обернулся так, как оборачиваются в фильмах перед последней репликой.

– Кстати. Свет погас во всём здании. Генератор был отключён вручную. Кто-то спустился в подвал и повернул рубильник. Камеры в подвальном коридоре в это время были выключены. Как раз с восьми ноль пяти по восемь ноль шесть, ровно шестьдесят секунд.

– А до и после?

– До и после работали.

Гонта усмехнулся так, словно ему рассказали хороший анекдот, но не разрешили смеяться.

– Профессионально. Прямо скажу, Максим Витальевич, если бы я не знал вашу биографию, я бы решил, что это ваша работа.

Он вышел, и я остался стоять посреди чужого пентхауса, среди чужих вещей, рядом с чужим трупом.

Балерина смотрела в мою сторону. Я подошёл и посмотрел на неё сверху. Обычный фарфор, трещина под левым локтем, на донце синим клеймо «Ленинград, 1974». Я не притронулся, но запомнил, и это оказалось самой полезной вещью, которую я сделал за весь тот вечер.

* * *

ГЛАВА 3. ЗАПИСЬ ИСЧЕЗАЕТ

Вторник, 06:20

Я не спал.

К шести утра я сидел в своей однокомнатной квартире на пятом этаже старого дома у трамвайного кольца и пил третью чашку кофе, которая никак не хотела кончаться. За окном светало серо, вяло, без энтузиазма. Море отсюда не было видно, но пахло им, потому что в этом городе им пахло абсолютно всё, от старых портовых складов до свежего белья в шкафу.

Телефон завибрировал ровно в шесть двадцать, и это был незнакомый номер, а незнакомые номера в такое время никогда не приносят ничего хорошего.

– Слушаю.

– Максим Витальевич? Меня зовут Ева Громова. Я представляю страховую компанию «Балтик Иншур». Мы страховали ответственность господина Кремера, и мне нужна ваша консультация сегодня, как можно скорее.

Голос был низкий, спокойный, без лишних интонаций. Такие голоса бывают у хороших врачей, которые сообщают плохие новости, и у плохих следователей, которые задают хорошие вопросы. Я решил пока не отгадывать, к какой категории она относится.

– Я не занимаюсь страховыми делами.

– Я знаю, чем вы занимаетесь. Речь не о страховке, речь о человеке, с которым вы вчера разговаривали последним. Через сорок минут в кафе «Якорь» на Морской. Устроит?

– Устроит.

Она отключилась первой, и это тоже сказало мне кое-что о характере.

Я оделся, побрился, вышел. Ветер с моря тащил по улице первые жёлтые листья, ещё влажные от ночного дождя. Кафе «Якорь» открывалось в шесть и работало на моряков и води-

телей грузовиков, а такие места я любил, потому что там никто не смотрит на тебя дважды, а если и смотрит, то по делу, а не из любопытства.

Внутри пахло жареным луком и рыбой, и в углу у окна сидела женщина, которая явно была не из моряков и не из водителей грузовиков.

Ева Громова оказалась крепкой блондинкой лет тридцати семи, с короткими волосами, серыми глазами и лицом, на котором не было ни грамма косметики и ни грамма лишнего выражения. Она сидела прямо, положив руки на стол, и перед ней стояла чашка чая и лежала толстая пластиковая папка. Пальто на ней было тёмно-серое, дорогое, но такое, чтобы никто не оборачивался, а это в её работе, наверное, ценилось выше, чем стиль.

Я сел напротив и подумал, что видел много страховых расследователей, но ни у одной из них ноги не начинались прямо от шеи. У этой начинались.

Она подняла глаза и посмотрела на меня так, словно уже прикинула, сколько за меня можно получить страховки и сколько лет мне ещё осталось.

– Кофе? – спросила она.

– Уже пил.

– Тогда сразу к делу. Вы вчера были в пентхаусе Кремера с девятнадцати сорока двух до двадцати одного пятнадцати. Пятнадцать минут разговаривали. Через пять минут после начала беседы Кремер получил пулю в висок. Экспертиза показала, что стреляли с одного метра. Пороховых следов на его одежде нет. Значит, стрелявший стоял вплотную и одновременно достаточно далеко, чтобы не оставить микрочастиц на халате.

– Вы работаете быстрее полиции.

– Я работаю точнее полиции. Это разное.

Она открыла папку и достала лист.

– Кремер был застрахован моей компанией на восемьсот пятьдесят миллионов. Полис покрывает жизнь, здоровье и профессиональную ответственность. Есть один нюанс.

– Какой?

– Полис был переоформлен две недели назад. Выгодоприобретатель поменялся. Раньше жена, теперь фонд «Ясный день». Учредитель фонда Артур Лис.

Я поставил чашку. Название фонда я слышал слишком часто в последние годы, а фамилию его учредителя произносили обычно вполголоса, как произносят фамилии людей, которые всё ещё способны обидеться на слишком громкое обсуждение.

– Артур Лис.

– Вы его знаете?

– Знаю имя. Кто ж его не знает.

– Правильно. Меценат, филантроп, коллекционер. Совет попечителей театра. Половина городских выставок его, а другая половина хотела бы стать его.

– И теперь он получает восемьсот пятьдесят миллионов.

– Не он. Фонд. Юридически разница огромная, по сути никакой.

Я смотрел на неё, а она смотрела на меня, и мне показалось, что мы обе, я и она, играем в одну и ту же игру, только с разными картами.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Затем, что моя компания не собирается платить. Мы будем оспаривать. Основание: смерть при подозрительных обстоятельствах, единственный свидетель бывший переговорщик с не самой чистой биографией.

– То есть я.

– То есть вы.

– И вы пришли меня предупредить?

– Я пришла вас нанять.

Я засмеялся, тихо, без всякого веселья. У меня много раз в жизни просили о самых разных услугах, но нанять переговорщика для расследования убийства мне ещё никто не предлагал.

– Оригинально.

– Мне не нужен детектив, детективов у меня десять. Мне нужен человек, который умеет разговаривать с людьми, которые не хотят разговаривать. Кремер был закрытый. Его окружение будет ещё закрытее. Полиция туда не влезет, а если влезет, всё испортит.

– Почему вы думаете, что я не убил его?

Она чуть наклонилась вперёд, и я поймал слабый запах чего-то похожего на цитрус и порох, хотя порох мне, наверное, померещился.

– Потому что убийца не остался бы сидеть с трупом сорок секунд в темноте, ожидая, пока включится свет. Убийца ушёл бы. У вас было пять секунд после выстрела и до того, как вы включили фонарик. За это время можно выйти в прихожую, вызвать лифт и уехать. Вы этого не сделали. Значит, либо вы не убивали, либо вы очень плохой убийца. И то и другое меня устраивает.

Я подумал, что впервые за много лет разговариваю с человеком, которого нельзя обмануть простым молчанием. Это было интересно, а последнее время мне мало что было интересно.

– Ставка?

– Двадцать процентов от суммы, которую я не выплачу. Если докажем, что смерть Кремера не была случайной или что бенефициар причастен.

– Это очень большие деньги.

– Это очень большая работа.

Я подумал ещё, но недолго.

– Я согласен.

– Хорошо.

Она достала из папки второй лист.

– Начнём с записи. В отеле «Маринер» тридцать одна камера, двадцать девять работали всю ночь. Одна была отключена ровно на шестьдесят секунд, в момент выстрела, та, что в подвальном коридоре у щитовой. Другая была отключена весь вечер.

– Какая?

– Камера в лифте, который поднимается только в пентхаус. Отключена в семнадцать сорок. За два часа до вашего приезда.

– Кто имел доступ?

– Технический директор отеля, управляющий и сам Кремер.

– Значит, тот, кто убил, либо был одним из них, либо получил доступ через одного из них.

– Верно.

Я постучал пальцем по столу.

– Мне нужна копия всех уцелевших записей.

– У меня их нет, и у меня их не будет. Полиция забрала оригиналы, копии из отеля тоже. Все.

– Тогда с чего начнём?

Ева убрала папку в сумку, и я заметил, что делает она это без единого лишнего движения, как человек, который считает лишние движения такой же роскошью, как лишние слова.

– С сейфа номер триста четырнадцать.

Я замер, и это она заметила, а я, в свою очередь, заметил, что она заметила. Игра пошла живее.

– Откуда вы знаете про триста четырнадцатый?

Она посмотрела на меня ровным серым взглядом, в котором было столько же тепла, сколько в дверной ручке в декабре.

– Я не знала. До этой секунды.

Я выругался про себя, а вслух сказал спокойно:

– Теперь знаете.

– Теперь знаю.

Она встала, поправила пальто, и я в очередной раз оценил, как она это делает, не для меня, а как-то для самой себя, как оценивают собственные инструменты перед работой.

– Идёмте. Депозитарий открывается в восемь.

* * *

ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ ЛОЖНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Вторник, 09:10

Депозитарий занимал два подземных этажа под отелем «Маринер», и вход в него был со двора, через тамбур со стальной дверью и охраной, которая ела бутерброды и одновременно смотрела на посетителей так, будто каждый из них уже что-то украл, просто не знает об этом. Ева показала удостоверение страхового расследователя, я вытащил свою старую переговорческую лицензию, изрядно потрёпанную, и после недолгих переговоров нас пустили.

Управляющего звали Стас Погодин, ему было около тридцати, и на нём был костюм в тонкую полоску и часы, которые стоили дороже, чем ему следовало показывать. Он встретил нас в кабинете за стеклянной перегородкой, привстав ровно настолько, чтобы это можно было принять за вежливость, но не за уважение.

– Госпожа Громова, – сказал он. – Мы, разумеется, готовы к сотрудничеству. Разумеется, в рамках закона. Разумеется, до определённого предела.

– До какого?

– Клиенты доверяют нам не только деньги. Мы не показываем содержимое ячеек без судебного постановления, ни при каких обстоятельствах.

– Мы и не просим содержимое, – сказала Ева спокойно, и мне понравилось, как она это сказала. – Мы просим журнал посещений сейфа номер триста четырнадцать за последние три месяца.

Погодин моргнул. Один раз, быстро.

– Триста четырнадцатого?

– Триста четырнадцатого.

Он посмотрел на монитор, пощёлкал мышкой, нахмурился так, как хмурится человек, которому надо срочно придумать хорошую версию, а хорошей версии в голове нет.

– У нас нет сейфа с таким номером.

– Как это нет?

– Так. Нумерация идёт с сотого по девятьсот девяностый, с пропусками. Триста тринадцатый есть, триста пятнадцатый есть, триста четырнадцатого нет.

Ева посмотрела на меня, я посмотрел на Погодина, Погодин посмотрел на монитор, и на секунду мы напоминали трёх человек, которые впервые в жизни сели играть в покер и ещё не знают правил.

– Может, это старый номер? – предположил он. – Мы делали перенумерацию восемь лет назад.

– Значит, до перенумерации был?

– Возможно, я тогда здесь не работал. Могу поднять архив.

– Поднимите, – сказал я.

Погодин снял трубку внутреннего телефона, что-то тихо сказал, и через пять минут в кабинет вошёл сухонький старик с седой щёткой волос и папкой в руках. Ему было хорошо за

семьдесят, но глаза у него были живые, острые и умели видеть не только то, что перед ними, но и то, что за спиной, а это редкое качество для семидесятилетних.

– Архивариус Гринько, – представил его Погодин. – У нас с основания.

Гринько сел, положил папку на колени и посмотрел на меня внимательно, чуть дольше, чем положено смотреть на незнакомого человека.

– Триста четырнадцатый, – сказал он. – Был. До две тысячи семнадцатого года. Ячейка среднего размера, второй ярус, задний ряд. После перенумерации ячейку сняли с учёта.

– Почему?

– Она была пустая.

– Пустая?

– Пустая. Клиент отказался от неё в две тысячи семнадцатом, забрал содержимое. Мы демонтировали дверь.

– А содержимое? Что там лежало?

Гринько развёл руками так, как разводят руками старые библиотекари, у которых спросили про роман, которого никогда не существовало.

– Мы не имеем права знать. Клиент открывает своим ключом, мы своим. Что внутри, его дело.

– Кто был клиентом?

Он посмотрел на Погодина, Погодин кивнул.

– Виктор Иванович Кремер. Основатель.

Ева и я переглянулись, и я подумал, что переглядываемся мы уже во второй раз за утро, а утро только началось.

– Он держал ячейку у себя же?

– Не такая уж редкость.

– И в две тысячи семнадцатом забрал содержимое.

– Забрал.

– А теперь ячейки нет.

– Нет.

Я наклонился к нему, и он не отодвинулся, а посмотрел на меня прямо, как смотрят люди, которые давно приучились не бояться близкого разговора.

– А кто, кроме вас, знал, что ячейки нет?

Он задумался, потёр подбородок, посмотрел в потолок.

– В депозитарии я, покойный Виктор Иванович и, наверное, Стас Викторович. Больше никто. Клиенты этой информацией не располагают.

– А кто-нибудь спрашивал про эту ячейку в последние месяцы?

Он задумался ещё дольше, и я понял, что за эти секунды в его голове идёт нехитрая арифметика: сказать или не сказать, а если сказать, то сколько.

– Спрашивал.

– Кто?

– Не помню. Мужчина средних лет, представился адвокатом, сказал, что он поверенный некоего лица, которое двадцать лет назад арендовало здесь ячейку. Хотел уточнить, сохранилось ли содержимое.

– Когда это было?

– Месяц назад, может, полтора.

– Вы ему что сказали?

– Правду. Что ячейки нет, что содержимое забрано в две тысячи семнадцатом.

– А имя лица, которое он представлял, назвал?

Гринько поднял глаза, и мне на секунду показалось, что он ждал этого вопроса всё утро.

– Назвал. Только я тогда не придал значения. Артур Валентинович Лис.

Ева очень медленно выдохнула, а я посмотрел на Погодина, и он побледнел так, как бледнеют люди, которым только что подтвердили худшее из подозрений.

– Стас Викторович, – сказал я негромко. – А Виктор Иванович не говорил вам в последнее время ничего странного?

– Странного?

– Странного. Про Лиса, про старые дела, про какую-нибудь вещь, которую он куда-то перепрятал.

Погодин открыл рот, закрыл, снова открыл, и я подумал, что если ему сейчас не помочь, он так и будет ловить воздух ещё пять минут.

– Говорил, – сказал он наконец. – Позавчера. Сказал, что если с ним что-нибудь случится, всё, что нужно знать полиции, лежит у него в кабинете, в верхнем ящике стола. Обычная папка. Синяя.

– Полиция уже забрала?

– Полиция была утром. Кабинет опечатан.

Я встал, потому что сидеть уже не хотелось, а хотелось действовать.

– Едем.

– Куда?

– В его кабинет. В центральный офис, пока полиция не открыла ящик.

– Кабинет опечатан.

– Печати мы вскрывать не будем, мы будем разговаривать с секретарём.

Через сорок минут мы стояли в центральном офисе Кремера, в стеклянной башне у порта, где всё было такое дорогое, что запросто могло тошнить с непривычки. Секретаршу Кремера, худую девушку лет двадцати пяти с красными глазами, звали Настей, и она смотрела на нас так, будто мы принесли ей в подарок ещё одну плохую новость поверх той, что у неё уже была.

– Полиция забрала всё, – сказала она. – Всё-всё. Даже мою флешку с расписанием.

– А из ящика стола?

– Верхний ящик был пустой.

– Пустой?

– Абсолютно.

– Кто заходил в кабинет до полиции?

– Никто. Кабинет закрывался на ключ. Ключ у меня и у Виктора Ивановича.

– Значит, кто-то открыл вашим ключом.

– Мой ключ вот, – она вытащила из ящика стола маленький бронзовый ключик на цепочке и показала так, словно предъявляла улику собственной невинности.

– Он был у вас всю ночь?

– Всю ночь. Я не выходила из офиса до восьми утра, у меня отчёт горел.

– А кто-нибудь был в офисе ночью?

Она подумала.

– Уборщица. Пришла в полночь, ушла в два.

– Ваша уборщица?

– Наша, Клавдия Петровна. Она уже пять лет у нас.

– Мне нужен её адрес.

Настя вздохнула так, как вздыхают девушки, которые понимают, что вздох ничего не изменит, полезла в компьютер и через минуту распечатала листок. Клавдия Петровна Демьянова, улица Портовая, дом четыре, квартира двенадцать.

Я взял листок, кивнул Еве, и мы вышли.

В машине она пристегнулась и сказала:

– У тебя ошибка в логике. Кремер знал, что за ним придут. Синюю папку он бы не оставил в верхнем ящике стола, это первое место, куда посмотрит и убийца, и полиция.

– Согласен.

– Значит, папка приманка.

– Возможно.

– Или её и не было никогда, а Погодин врёт.

– И это возможно.

Она посмотрела на меня сбоку, и в этом косом взгляде было немного больше живого, чем во всех предыдущих.

– Как ты выбираешь, кому верить?

– Никому. Я выбираю, кому верить меньше.

Она усмехнулась. Первый раз за утро, и мне подумалось, что усмешка ей идёт даже больше, чем ровный серый взгляд, но я не стал говорить это вслух.

Я завёл машину и через двенадцать минут мы позвонили в квартиру номер двенадцать по улице Портовой, дом четыре. Дверь никто не открыл. Я позвонил ещё раз, для порядка. Из-за соседней двери вышла женщина в халате, с бигуди и с выражением лица, которое обещало разговор.

– Клавдию ищите?

– Её.

– Так она уехала утром, с чемоданом. Сказала, к сестре в Ростов. Насовсем.

Мы с Евой переглянулись в третий раз за утро, и я подумал, что при таком темпе переглядываний мы к вечеру исчерпаем весь свой лимит и перейдём на разговоры глазами напрямую. Первый свидетель исчез до того, как стал свидетелем, а это в моём опыте означало ровно одно: кто-то работает быстро, чисто и с очень хорошим списком.

* * *

ГЛАВА 5. СТРАХОВАЯ ПРОВЕРКА

Вторник, 14:30

Офис «Балтик Иншур» занимал три этажа в новом здании на Соборной, и всё в нём выглядело так, как выглядят офисы страховых компаний по всему миру: серо, вежливо и очень скучно. Ева провела меня через свой отдел, где за мониторами сидели молчаливые люди в одинаковых серых свитерах, и завела в маленькую переговорную комнату без окон, в которой пахло старым ковром и свежим кофе.

– Тут не пишут, – сказала она. – Проверено.

– Кем?

– Мной.

Она положила на стол ноутбук, открыла его, и экран показал таблицу с несколькими десятками строк.

– Полисы Кремера. Все, за последние десять лет.

Я наклонился и стал смотреть, стараясь не думать о том, что её духи снова цитрусовые, а голова у меня и без духов уже слегка кружилась от бессонной ночи.

– Что я должен увидеть?

– Дату.

Я взгляделся. Один из полисов был помечен красным. Дата оформления тридцать первое сентября две тысячи двадцать четвёртого года.

– Тридцать первое сентября, – сказал я. – Такого числа не бывает.

– Именно.

– Ошибка оператора?

– Полис оформлялся электронно. Электронная система не позволяет ввести несуществующую дату, технически невозможно.

- Но эта дата стоит.
- Стоит. И полис действителен, по нему уже сделана одна выплата.
- Кому?
- Некому И. П. Скрипко. Три миллиона четыреста тысяч. По страховому случаю, гибель имущества при пожаре. Пожар случился на складе в промзоне пятнадцатого августа.
- А склад чей?
- Формально ООО «Портсервис», фактически фонд «Ясный день». Учредитель Артур Лис.
- Я сел, потому что стоять при таких новостях мне уже надоело.
- То есть у Кремера был полис с фальшивой датой, по которому он выплатил три миллиона фонду Лиса.
- Не Кремер выплатил, а компания. Кремер подписал акт, без него выплата не прошла бы.
- Ева, это отмывание.
- Это может быть отмывание, а может быть плата за что-то.
- Плата за что?
- За тишину. Или за услугу. Или за право оставаться в живых.
- Я потёр глаза, и мне показалось, что под веками у меня уже насыпан песок с целого пляжа.
- Ты давно это нашла?
- Три недели назад. Я готовила плановую проверку Кремера, копнула глубже, нашла эту дату и ещё восемь странностей. Начала копать. Через неделю мне позвонил Кремер сам, сказал, что хочет встретиться, что у него есть предложение.
- Какое предложение?
- Я не узнала. Встреча была назначена на завтра, не сегодня. Он не дожил один день.
- Я долго смотрел на неё, а она спокойно выдержала мой взгляд, и это меня раздражало и одновременно радовало.
- Ты мне это только сейчас говоришь.
- Я тебе это говорю ровно тогда, когда решаю тебе доверять. Извини.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.